

В статье рассматриваются проблемы кодификации через призму советской науки трудового права. Выявляются основные этапы и направления развития научной мысли, показываются достижения и пробелы в изучении различных аспектов кодификации. Анализируется практическая реализация доктринальных положений при разработке основ законодательства и кодексов законов о труде. Исследуются возможности использования советского научного опыта в целях совершенствования действующего трудового законодательства.

Ключевые слова: кодификация, юридическая доктрина, трудовое право, трудовое законодательство, акты кодификации.

The article deals with the problems of codification through the prism of the Soviet science of labor law. The main stages and directions of development of scientific thought are revealed, the achievements and gaps in the study of various aspects of codification are shown. The practical implementation of doctrinal provisions in the development of the foundations of legislation and codes of labor laws is analyzed. Possibilities of use of the Soviet scientific experience for the purpose of improvement of the current labor legislation are investigated.

Keywords: codification, legal doctrine, labour law, labour legislation, acts of codification.

А. Б. Иванов

*Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
E-mail: ivart76@mail.ru*

Проблемы кодификации трудового права в фокусе внимания советской юридической доктрины

Научная статья

A. B. Ivanov

P. G. Demidov Yaroslavl State University

The problems of codification of the labor law in the focus of attention of the Soviet legal doctrine

Scientific article

«Законодателю не следует бояться быть слишком доктринальным, особенно когда он приступает к кодификации».

Реми Кабрियाк, французский юрист

Качество и эффективность любой юридической кодификации зависит от целого ряда условий: ее объективной необходимости, степени разработанности законодательства, правосистематизирующего опыта, сложившихся традиций, квалификации участников кодификации и др. Кроме того, успех кодификации во многом зависит от уровня теоретического осмысления ее основных проблем, полноты учета законодателем результатов научных исследований и степени вовлечения в процесс подготовки кодифицированных актов представителей юридической доктрины. Другими словами, кодификация должна обязательно опираться на научные основы, базироваться на принципе доктринальности. Сущность этого принципа также заключается в «правильном и адекватном отражении в актах

© Иванов А. Б., 2019

кодификации объективной реальности и перспективных направлений развития общества, в обеспечении системности, полноты и непротиворечивости законодательства» [1, с. 123, 185].

Научный подход важен для любой законотворческой практики, но для кодификации в особенности, так как акты кодификации зачастую возглавляют иерархию источников определенной отрасли законодательства, обеспечивают им внутреннюю согласованность. Закрепляя главные, принципиальные положения отрасли права, кодифицированный акт тем самым устанавливает ориентиры для текущей правотворческой деятельности, обеспечивает более системное развитие права и служит основой для создания внутриотраслевой системы.

В настоящее время в связи со снижением качества законодательства (в том числе кодексов и других актов кодификации), вызванного прежде всего поправочным бумом – многочисленными и далеко не всегда продуманными и последовательными изменениями и дополнениями, – необходимо определиться с эффективными способами и средствами для решения данной проблемы. В этом случае большую помощь законодателю должна оказать юридическая наука. Кроме того, на современном этапе к числу дискуссионных относится вопрос о кодификации отдельных нормативных массивов (избирательное право, право социального обеспечения, служебное право и др.), а также о необходимости разработки новых отраслевых кодексов взамен устаревших действующих актов [2]. Роль доктрины в поиске ответов на перечисленные непростые вопросы сложно переоценить. В свою очередь, анализ взглядов на проблемы кодификации, отраженный в исследованиях советских ученых, позволит не только лучше понять закономерности развития трудового права в XX веке, но и может оказаться полезным для осмысления и решения современных проблем отраслевого законодательства.

Первые усилия по изучению феномена кодификации были предприняты отечественной юридической доктриной на рубеже XIX–XX вв. Содержание дореволюционных изысканий в данной области, как правило, ограничивалось рамками проводившихся в те годы отраслевых кодификаций, в первую очередь кодификации гражданского права, и было призвано обеспечить им надлежащее качество. Так, по словам О. С. Иоффе, проект Гражданского уложения Российской империи «содержал немало оригинальных конструкций, из числа которых многие знаменовали собой значительное как научное, так и законодательно-техническое достижение» [3, с. 65].

Российское трудовое (фабричное) законодательство в начале XX в. активно формировалось, но все же не было достаточно разработанным для целей кодификации. В досоветских исследованиях был затронут широкий спектр вопросов формирующейся отрасли трудового права [4]. При этом рядом авторов (П. И. Астров, А. Н. Быков, И. И. Янжул и др.) «признавалась необходимость систематизации трудового законодательства и предлагались свои варианты решения данного вопроса» [5, с. 19]. Позднее, в период деятельности Временного правительства (1917 г.), специалисты стали обращать внимание на необходимость систематизации именно в виде кодификации. Так, начальник

юридического отдела министерства труда Временного правительства С. О. Загорский прямо выступил за создание Кодекса труда [5, с. 19]. Несмотря на указанные факты, досоветский период все же нельзя считать первым этапом в изучении проблем кодификации трудового права. Скорее в это время имела место «декларация о намерениях», была подготовлена почва как для самой кодификации, так и для ее последующего научного осмысления.

Отечественное трудовое право впервые было подвергнуто кодификации в советский период, ее результатом стал разработанный в сжатые сроки Кодекс законов о труде (КЗоТ) РСФСР 1918 г. Данный кодекс ни в какой степени не являлся доктринальным. Он основался на программных положениях правящей партии и нормотворческой практике первых революционных месяцев. Необходимость разработки КЗоТ была вызвана не столько желанием законодателя создать кодифицированный акт, реально регулирующий трудовые отношения, сколько идейно-политическими целями: новой власти требовался декларативный документ, который обеспечил бы ее легитимность, повысил авторитет рабоче-крестьянского правительства внутри страны и за рубежом. Роль доктрины была сведена к минимуму и во время разработки второго КЗоТ РСФСР 1922 г., призванного в условиях нэпа обеспечить переход к договорным началам в регулировании трудовых отношений, отказавшись при этом от принципов принудительности и уравнительности. Таким образом, на первых двух этапах кодификации ее практика шла далеко впереди теории. Вместе с тем именно после принятия Кодекса 1922 г. активизировались научная деятельность – объектом внимания исследователей стали как в целом трудовое право и его отдельные институты, отраженные в главах Кодекса, так и сам акт кодификации с точки зрения его технико-юридического качества [6].

Анализ научной литературы позволяет выделить три этапа в изучении проблем кодификации трудового права. На каждом из этапов предметом научных изысканий являлись определенные вопросы, порожденные практикой кодификации в конкретных исторических условиях. Начало **первого этапа** следует связывать с образованием в 1922 г. нового федеративного государства – СССР, в связи с чем потребовалось создать союзное законодательство о труде. Причем сразу планировалось разработать акт кодификации – Основные законы о труде СССР, нормативной основой для которого должен был стать КЗоТ РСФСР 1922 г. Данная цель очер-

тила круг изучаемых наукой вопросов. Объектом внимания ученых стали проблемы разграничения полномочий союза и республик в регулировании трудовых отношений, «судьба» кодексов законов о труде союзных республик (сохранять или признавать утратившими силу), источники трудового права на союзном уровне (один акт кодификации или система законодательства). Значительный вклад в разработку перечисленных проблем в этот период внесли Е. Н. Данилова и И. С. Войтинский [7]. Следует обратить внимание на то, что на первом этапе исследование кодификации на теоретическом уровне находилось в зачаточном состоянии. По этой причине трудовая наука, по сути, была вынуждена «вариться в собственном соку». С начала 30-х гг. вследствие начавшейся в стране социалистической реконструкции, задача союзной кодификации хотя и не была снята с повестки дня, но уже не относилась к числу первоочередных. Кодификация по этой причине перестала быть объектом внимания доктрины. Нормативный материал для кодификации, принятый в годы нэпа, в том числе и основной источник – КЗоТ 1922 г., в новых условиях фактически утратили свое действие. КЗоТ, например, уже рассматривался как «перенесение в область труда бесцельного буржуазного кодекса под знаком равноправия субъектов права и свободы труда» [8, с. 10].

Второй этап исследования проблем кодификации трудового права охватывает период с середины 50-х до начала 70-х гг. В эти годы работы по кодификации приняли масштабный характер, затронув практически все отрасли советского законодательства союзного и республиканского уровня. В связи с этим кодификация становится центральной темой юридических исследований общетеоретического и отраслевого характера. Данный период можно считать «золотым веком» в исследовании проблем кодификации. В это время на концептуальном уровне были обстоятельно рассмотрены все основные вопросы кодификации, выявлены ее существенные признаки и юридические свойства, определены формы кодификации и место кодифицированных актов в системе законодательства, проведено разграничение кодификации и иных видов (способов) систематизации (консолидации и инкорпорации), проанализированы правила и приемы юридической техники, используемые во время кодификации и т. д.

Значительный вклад в изучение перечисленных проблем внесла и наука трудового права. К

теме кодификации так или иначе обращались все ведущие ученые-трудовики (Н. Г. Александров, А. Е. Пашерстник, Г. К. Москаленко, В. И. Смоллярчук, Е. И. Астрахан и др.). Результатом научных изысканий стали две монографии по проблемам кодификации трудового права А. Е. Пашерстника [9] и К. П. Горшенина [10], изданные соответственно в 1955 и в 1967 гг. Эти работы и в настоящее время во многом не утратили научной ценности. Данные авторы охарактеризовали состояние трудового законодательства и основные тенденции в правовом регулировании труда, наметили в общем плане контуры будущей кодификации, концепцию, структуру и содержание кодифицированных актов. Также в работах были затронуты вопросы формы кодификации, исследованы ее источники (действующее законодательство, ведомственные акты, судебная и профсоюзная практика и др.), выработаны рекомендации в части технико-юридического оформления кодекса. Учеными была определена и специфика кодификации трудового права. «В отличие от некоторых отраслей кодификацию законодательства о труде нельзя осуществить при помощи только актов высшего ранга... Наряду с кодификацией актов о труде в ранге закона, результатом чего будут Основы..., должна быть осуществлена кодификация всех нормативных актов, изданных органами государственного управления, имеющими своим предметом регулирование трудовых отношений» [10, с. 205].

Важно обратить внимание, что практически все крупные специалисты в области трудового права принимали непосредственное участие в подготовке Основ законодательства о труде и кодексов. К. П. Горшенин при этом руководил деятельностью рабочей группы по редактированию проекта КЗоТ РСФСР 1971 г. [11].

После принятия Основ законодательства и республиканских КЗоТ в 1970 и 1971 гг. начался **третий этап** в изучении кодификации советской наукой трудового права. Интерес к проблеме в это время был весьма значительным, что, в частности, выразилось в публикации специальных монографий [12] и защите диссертационных исследований [13]. Ученые сосредоточили внимание на анализе и обобщении опыта проведенной кодификации, на исследовании дальнейших перспектив и направлений кодификации, на решении проблемы «обилия подзаконных актов ведомственного характера», снижавшего качество нормативного материала и затруднявшего реализацию трудовых прав

и обязанностей [13, с. 4 и след.]. В 1970–1980-е гг. большой исследовательский интерес вызывала также проблема дальнейшего совершенствования и упорядочения трудового законодательства в связи с подготовкой Сводов законов СССР и союзных республик [12, с. 21 и след.], предпринимались усилия по разработке научной концепции сплошной кодификации.

В целом советской трудово-правовой наукой был внесен существенный вклад в концептуальное осмысление различных сторон кодификации. При этом решение отдельных проблем имело принципиальное значение для теории и практики кодификации, что ставило их в центр внимания доктрины, порождало научные дискуссии.

1. Проблема **формы кодификации** советского трудового права. После образования СССР основным источником трудового права первоначально являлся КЗоТ РСФСР 1922 г., действие которого решениями других союзных республик было распространено на их территорию. Вместе с тем создание нового государства поставило на повестку дня вопрос о формировании союзного трудового законодательства. Принятая в 1924 г. Конституция СССР относилась к ведению союза установление основных законов о труде (п. «р» ст. 1). Рядом авторов фраза «основные законы о труде» первоначально толковалась именно как форма кодификации. Позднее под ней стали также пониматься полномочия союза в регулировании трудовых отношений. «Основные законы о труде, – писал в середине 1930-х гг. Н. Г. Александров, – издаются правительством СССР (постановления ЦИК и СНК СССР), причем наиболее важные из них даны в совместных постановлениях СНК СССР и ЦК ВКП (б)» [14, с. 6]. Практика довоенного времени также не была последовательной в рассматриваемом вопросе (в разные годы проводилась подготовка Основных законов о труде СССР, Кодекса основных законов о труде СССР, КЗоТ СССР). Здесь важно подчеркнуть, что проблема форм кодификации в 1920–1930-е гг. еще не являлась предметом специальных исследований ни на общетеоретическом, ни на отраслевом уровнях.

Глубокая доктринальная разработка данного вопроса была осуществлена в послевоенный период. Учеными была введена и обоснована двухуровневая система актов кодификации: на союзном уровне действуют Основы законодательства, содержащие базовые, принципиальные положения, на республиканском уровне актом кодификации являются кодексы, детализирующие положен-

ия Основ с учетом исторических, национальных и иных особенностей конкретной республики. Наиболее обстоятельно в рамках трудово-правовой науки данный подход был раскрыт Г. К. Москаленко [15, с. 121–123] и К. П. Горшениным [10, с. 201–203], а затем воспринят законодателем во время третьей кодификации. К. П. Горшенин также обратил внимание на то, что результатом кодификации нормативных актов по пенсионному обеспечению стал не кодекс, а Закон о государственных пенсиях, тем самым он фактически выделил такую ее форму, как кодифицированный закон [12, с. 15].

В то же время учеными-трудовиками обосновывались и альтернативные подходы к формам кодификации. В этой связи заслуживает внимания точка зрения А. Е. Пашерстника, который был сторонником принятия кодекса на союзном уровне. Ученый считал, что необходимо «изменить форму кодификационного основополагающего акта, определяющего структуру отрасли трудового права и законодательства... Это должен быть сводный, стабильный и по возможности исчерпывающий общесоюзный Трудовой кодекс СССР» [11, с. 13].

Интересно отметить, что К. П. Горшенин, отстаивая позицию о необходимости республиканского Кодекса, допускал, что «возможно ставить вопрос о Кодексе пенсионного обеспечения граждан СССР». При этом приводимые аргументы в пользу союзного акта вполне могли бы подойти и для обоснования КЗоТ СССР: а) единый централизованный источник финансирования; б) единство принципов пенсионного обеспечения при дифференциации видов и норм; в) равенство определенных категорий в пенсионном обеспечении независимо от того, в какой республике находится пенсионер; г) удобство пользования законом гражданами и организациями [10, с. 217].

2. Проблема **разграничения** союзного и республиканского трудового законодательства. После начала кодификации союзного законодательства первоначально предполагалось, что нормативной основой для нее должны стать положения КЗоТ РСФСР. Более того, по мнению отдельных исследователей, материала для республиканских кодексов после завершения союзной кодификации не останется, так как регулирование подавляющего большинства трудовых отношений будет осуществляться на союзном уровне. Поэтому КЗоТ РСФСР и других республик должны были утратить свою силу. Примечательно, что на союзном уровне предлагалось ограничиться принятием только одного

закона – кодифицированного акта. Иная правотворческая деятельность на союзном уровне должна была осуществляться путем издания подзаконных актов Правительством, ведомствами и ВЦСПС. Все же большинство авторов считало, что изданием одного акта «не исчерпывается роль общесоюзного законодательства в области регулирования трудовых отношений» [9, с. 98].

В связи с активизацией кодификационных работ в послевоенный период в науке трудового права дискуссия о соотношении союзной и республиканской кодификации вышла на новый уровень. Согласно одной точке зрения, союзная кодификация должна содержать правовые нормы, достаточно подробно регулирующие трудовые отношения и определяющие как дальнейшее развитие общесоюзного законодательства, так и направление, содержание и масштабы республиканского законодательства о труде. Данной позиции придерживался, в частности, А. Е. Пашерстник. «Практика свидетельствует о том, – писал ученый, – что трудовые отношения рабочих и служащих регулируются главным образом законодательством СССР... Союзные кодификационные акты о труде определяют не только принципы правового регулирования, но и основное содержание трудовых отношений». Поэтому союзное законодательство должно охватить «широкую область трудовых отношений и условий труда, не ограничиваясь общими принципиальными положениями» [9, с. 104]. Согласно другой точке зрения, союзное законодательство в рамках кодификации может закрепить лишь общие принципы трудового законодательства, предоставив решение вопросов, связанных с содержанием конкретных институтов трудового права, республиканскому законодательству [10, с. 35].

После принятия в 1970 и 1971 г. Основ и КЗоТ, в целом отразившим первый подход к проблеме, вопрос о разграничении законодательства союза и республик продолжал оставаться объектом внимания доктрины. Учеными, например, обосновывалась необходимость разработки и принятия специального нормативного правового акта о конкретной компетенции союзных республик в регулировании трудовых отношений. По мнению Г. А. Рогалевой, такой акт должен был расширить компетенцию союзных республик: «Наряду с утверждением КЗоТ, обеспечением права граждан на труд и решения вопросов, не отнесенных к ведению Союза ССР, предоставить им право конкретизировать и детализировать союзное законодательство по вопросам: заключения и прекращения трудового договора,...

рений и наград, охраны труда женщин, молодежи и др. категорий, контроля и надзора за соблюдением трудового законодательства и по другим вопросам, не отнесенным к ведению Союза ССР» [13, с. 94].

3. Проблема **сферы действия** трудового права. К числу дискуссионных вопросов трудового права, имеющих непосредственное отношение к его кодификации, относилась проблема его действия по кругу лиц. В советский период сложились концепции широкого и узкого понимания сферы действия трудового права. Сторонники широкого подхода считали, что трудовые нормы регулируют отношения по применению труда граждан независимо от форм собственности. Форма собственности является вторичным признаком, определяющим содержание трудового правоотношения. Первичный же признак – кооперативный (совместный) труд в рамках таких хозяйственных единиц, в которых функция управления или руководства отделена от функции непосредственного исполнения. Поэтому «регулирование трудовых отношений колхозников занимает особое место в системе трудового права, составляя одну из его частей» [9, с. 76]. Сторонники узкого подхода считали, что нормами трудового права регулируются отношения только «рабочих и служащих, независимо от характера производства и от подчиненности предприятий, учреждений и организаций, на которых (в которых) они работают» и само советское трудовое законодательство «возникло и развивалось именно как отрасль..., регулирующая труд рабочих и служащих» [10, с. 23, 24]. Практикой кодификации в советский период был воспринят второй подход к проблеме, между тем как в современных условиях более обоснованным считается первый подход, что, в частности, нашло отражение в ст. 15 действующего Трудового кодекса РФ.

4. Проблема **дифференциации** в правовом регулировании трудовых отношений. Большим недостатком первых двух советских КЗоТ РСФСР являлась чрезмерная лаконичность, вследствие чего они «страдали неполнотой и не давали по некоторым вопросам даже основных положений» [16, с. 128]. Так, в кодексах не уделялось должного внимания дифференциации труда, на практике же это создавало серьезные трудности. «Двухлетний опыт проведения КЗоТ, – отмечалось в Резолюции VI Всесоюзного съезда профсоюзов (1924 г.), – показал, что... разнообразии структуры нашего народного хозяйства, когда наряду с мелким раздробленным хозяйством имеется крупная промышленность... а между ними большая прослойка в виде домашней и кустарной

промышленности, создает то различие условий труда, которое настоятельно требует большего разграничения и уточнения нашего законодательства о труде для отдельных групп трудящихся: сельскохозяйственных рабочих, сезонных рабочих, занятых в домашней и кустарной промышленности, и рабочих полумилитаризованного труда» [17, с. 44].

Данная проблема продолжала оставаться актуальной и позднее, способы же ее решения законодателем были весьма спорными. Так, КЗоТ 1922 г. стал дополняться специальными нормами в виде многочисленных приложений к примечаниям первой статьи. В КЗоТ РСФСР 1971 г. была проведена дифференциация только по половому и возрастному признакам, большая же часть специальных норм закреплялась в отдельных, как правило, подзаконных актах. К сожалению, советская доктрина не уделяла должного внимания проблеме кодификации специальных норм трудового права. В исследованиях чаще всего предлагалось ограничить содержание Основ и КЗоТ главами о труде женщин и несовершеннолетних [10, с. 223]. Научкой признавалась важность сочетания общего и специального законодательства при регулировании трудовых отношений, обращалось внимание на актуальность принятия «кодифицированных актов об условиях труда отдельных категорий работников», создания «комплексного акта об условиях труда шахтеров, учителей, работников науки и др.» [13, с. 106, 161], однако до обстоятельной разработки этих вопросов дело так и не дошло. В настоящее время вопрос о кодификации специальных норм трудового права является одним из самых актуальных. Он должен стать одним из основных направлений современных научных исследований [18].

Таким образом, советской наукой трудового права в ходе трех этапов ее развития был внесен значительный вклад в исследование теоретических и практических проблем кодификации. Отдельные доктринальные положения и выводы, касающиеся формы, видов и источников кодификации, порядка отбора нормативного материала при подготовке актов кодификации, их технико-юридического оформления были реализованы при кодификации союзного и республиканского законодательства о труде. Между тем в советский период некоторые практически значимые вопросы кодификации трудового права на концептуальном уровне в должной мере не были решены. В связи с этим следует прежде всего говорить о проблеме кодификации норм, регулирующих трудовые отношения отдельных категорий работников.

Ссылки

1. Карташов В. Н. Теория правовой системы общества: учебное пособие: в 2 т. Ярославль, 2005. Т. 1. 547 с.
2. Прохоров М. России необходим новый Трудовой кодекс // Российская газета. 2011. 19 июля.
3. Иоффе О. С. Гражданское право. Избранные труды. М., 2000. 587 с.
4. Лушников А. М. Становление и развитие науки трудового права и права социального обеспечения в России (вторая половина XIX–начало XX в.). Ярославль, 2001. 367 с.
5. Памятники российского права: в 35 т. Т. 26: Кодексы законов о труде РСФСР: учебно-научное пособие / под общ. ред. Р. Л. Хачатурова, А. М. Лушникова. М., 2016. 528 с.
6. Войтинский И. С. История текста Кодекса законов о труде изд. 1922 г. // Вопросы труда. 1925. № 1. С. 67–75; № 2. С. 68–77.
7. Данилова Е. Н. Пределы общесоюзного законодательства о труде // Вопросы труда. 1924. № 10. С. 32–42.
8. Советское трудовое право на новом этапе: сб. статей / под ред. А. Белова. Л., 1931. 127 с.
9. Пашерстник А. Е. Теоретические вопросы кодификации общесоюзного законодательства о труде. М., 1955. 288 с.
10. Горшенин К. П. Кодификация законодательства о труде. Теоретические вопросы. М., 1967. 312 с.
11. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф А-385. Оп. 26. Д. 392, 393.
12. Симорот З. К. Монастырский Е. А. Проблемы кодификации законодательства Союза ССР и союзных республик о труде. Киев, 1977. 300 с.
13. Рогалева Г. А. Теоретические вопросы кодификации трудового законодательства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1984. 218 с.
14. Александров Н. Г. Вопросы труда в советском законодательстве. М., 1936. 184 с.
15. Москаленко Г. К. К вопросу о кодификации советского законодательства о труде // Вопросы кодификации. М., 1957. С. 117–134.
16. Данилова Е. Н. Кодекс законов о труде в его историческом развитии // Советское право. 1923. № 4. С. 124–132.
17. Резолюция VI съезда профессиональных союзов СССР, 11–18 ноября 1924 г. М., 1925. 62 с.
18. Специфика регулирования труда отдельных категорий работников / отв. ред.: Н. Л. Лютов, И. С. Цыпкина. М., 2018. 448 с.